

"ЦИРЮЛЬНИК" • фейерверк в Кремле, раздражение на диване

МИХАЛКОВ И ОРМОНД ПРЫГАЛИ БЕЗ ПАРАШЮТА

Гостиница "Рэдиссон-Славянская": фрагменты пресс-конференции

— Претендуете ли вы на то, чтобы получить за фильм "Оскар"?

— Я никогда не работал ради наград. Сценарий фильма начал писаться 12 лет назад, а съемки мы ждали 10 лет. Я бы взял любую награду. Но, как говорится, взято — не вернуть. А кто ж мне даст?

— Не являет ли собой этот фильм начало предвыборной кампании?

— В моих фильмах все время видят то, чего в них нет. В каком-то фильме героя сняли на фоне разбитого окна, и меня спросили: это что, символ его разбитой жизни, да?.. А я-то даже и не заметил этого окна... Для художника очень унижительно, когда его произведение просчитывается кем-то как политическая акция.

— Какую основную задачу вы ставили перед оператором Павлом Лебешевым?

— Основная его задача — чтобы он был на площадке. Великий Паша! (Постоянный оператор Н. Михалков: работал с ним на всех его фильмах до 1983 года, а затем на картине "Анна: от 6 до 16" в 1993 году). Картину начинал снимать другой оператор, итальянец... Но есть мистическая вещь. Когда начали снимать "Цирюльника" в Красноярске, на родине мое-

го прадеда Сурикова, я пришел в дом Сурикова и уговорил директора разрешить мне остаться переночевать — провел там день, ночь и утро. Нет, материалисты решают, что это треп... Я сам был изумлен, когда посмотрел фотографии масленицы, сделанные Гневашевым, я был потрясен, как по своему насыщению они совпали с миром Сурикова. И я понял, что иностранец снять масленицу не сможет. Я должен был бы слишком много ему объяснять. Кто такие Кустодиев, Петров-Водкин, Венецианов. И запах снега на севере Италии — в горах — совсем другой... Я снова начал работать с Пашей.

— Почему на роль Джейн вы выбрали Джулию Ормонд?

— Она уникальная актриса. (Джулия, сидящая рядом, от смущения по-простецки утирает нос, а потом, слушая дальнейшие комплименты, обхватывает лоб ладонью и смотрит в пол). Есть много обаятельных, очень красивых актрис, которые хорошо знают о своих достоинствах. В случае сложного решения актерской задачи они все это обаяние и пускают в ход. Есть актеры, приговоренные к фактуре, — Боярский, Грегори Пек; или, например, невозможно себе представить, чтобы Сталлоне играл дядю Ваню...

А есть актеры — пройдут по улице, и никто не заметит. Такими были Юра Богатырев, Смоктуновский, такая — Лена Соловей. Как бы никакие. Но за счет своей огромной внутренней концентрации они могут быть любимыми.

Именно такая Ормонд. Джулия серьезна до скукоты. (Ормонд, до которой дошел перевод через переводчика, громко хохочет). Я поймал ее за тем, что во время съемок она в вагончике читала "Женитьбу Фигаро" в подлиннике, чтобы уточнить для фильма детали. И у нее потрясающий темперамент и бесстрашие — 26 недель провести в России! Я предупреждал ее: "Джулия, мы оба прыгаем без парашюта!" Меня даже тяготит такое доверие. У нее филигранная, невероятная актерская техника. Я даже ревновал ее к своей профессии. А к работе мы приглашали ее так: "Юлия Ивановна, пожалуйста в кадр!" Весь процесс создания фильма снимался на видео. Может быть, следующий фильм я сделаю такой: "Борьба с Юлией на съемочной площадке".

— Почему на главную роль выбран Олег Меньшиков?

— Действительно странно... Из ПТУ, начинающий... Да все, что я говорил о Джулии, можно повторить и об Олеге! Я предложил ему эту роль 10 лет назад. А теперь как

ему было играть 20-летнего мальчика? Но я спросил его: "Ты уверен?" — "Да. А ты?" — "Да". Но предупреждал его: у тебя уже глаз другой, тебе будет мешать твой жизненный опыт; может быть, тебе надо играть Палиевского. Он ответил: "Мне интересно", и начался мучительный марафон. Они безвылазно сидели в Костромском военном училище, обучались полковым церемониям, фехтованию, даже подходу к ручке — это же культурный фон русского офицерства XIX века. Меньшикову пришлось взвалить на себя очень много ограничений, от многого отказаться. Я очень боялся: вот-вот что-нибудь киксанет — и рухнет картина! Эта роль — профессиональный подвиг Меньшикова.

— В 1917 году вашим юнкерам было бы по 52 года. Как сложились бы их судьбы?

— Я думаю о продолжении фильма. В нем есть все, чтобы серьезно и страшно поговорить о будущем этих людей.

— Мировая премьера фильма — в масленицу. Это срежиссированный факт?

— Идея срежиссирована. (Себе под нос). Но ведь все в мире срежиссировано.

Записала
Наталья СИМЯНИНА

Фото Анатолия МЕЛИХОВА

ИГРЫ ПАТРИОТА ПО-РУССКИ

Государственный Кремлевский дворец: мнение критика

Не успев выйти на экран, "Сибирский цирюльник" уже стал предметом ожесточенных дискуссий и удостоился оценок от "гениально" до "полный провал". Одно это, кажется мне, свидетельствует о несомненном успехе картины. Оставим в стороне аттракционы с показом фильма в Казахстане, с производством соответствующей парфюмерии и нюханьем усов. Михалкову надо было довести ожидание до пика и распылить недоброжелателей до бешенства. После чего он выпил на них ушат холодной воды.

К несчастью для новой работы Никиты Михалкова, сейчас не принято рассматривать художественное произведение само по себе вне "сопутствующих товаров". "Цирюльника" загоняют в контекст сиюминутности, ломая конечности и выкручивая суставы,

предпочитая рассуждать о чем угодно, — о судьбах России, о президентских амбициях, о национальной идее, о видах на "Оскара" и каннискую ветвь, о преимуществе системы "Долби"; пусть даже о том, сколько и где картина снималась, кто в ней занят и каков бюджет, — но только не о том главном, ради чего вообще снимается кино. Надеюсь, понятно, что я не имею в виду кассовые сборы.

Никита Михалков совершил то, что считалось почти невозможным: в современной России — снял нормальную картину. Речь не о пресловутых чернухе и порнухе, — скорее о том выворачивании, выморочном, инвалидном мирозерцании нынешнего российского кино, которому, казалось, уже и нет никакой альтернативы. "Цирюльник" — очень живое кино. Умное, тонкое, чело-

вечное. Этим самым оно просто-таки напрашивается на ругательные рецензии, поскольку андерсоновской принцессе, предположительно живой розе искусно сделанную из шелка. На "Цирюльника" можно пойти с ребенком-школьником, — боюсь, что это обстоятельство способно окончательно опозорить любой фильм в глазах многоумного эстета. У нас большинство кинематографов, особенно из молодежи, работает с явной целью угодить. Михалков не боится позлить и часто откровенно дразнит. Думаю, ему пошло на пользу общее недоброжелательство: когда художник перечит публике и играет с ней — это плодотворней, чем согласие и взаимные комплименты.

Ругать эту картину очень легко. Самый распространенный уп-

рек — в затянутах. Действительно, три часа. Но три часа легкого, летящего действия, единого дыхания без перебоев. Трудно сказать, чем можно было бы пожертвовать, — в каждом эпизоде есть свое жемчужное зерно: воробей, спящий между юнкерских сапог; шорох, шелест и свист снимаемого за кадром платья; торопятся звонать; шуточки господ юнкеров; упавшее яблоко, — множество других заметных и незаметных находок, составляющих саму ткань дышащей, полнокровной жизни. Все это — не говоря о цитатах и аллюзиях, о сказочных образах (музыкальная машина, булбук, выбитые полголовы), о Моцарте в "Цирюльнике", — обо всей тщательно выстроенной структуре фильма, его несущих опорах, которые выдерживают немалый вес произведения. Ми-

халков блестяще продемонстрировал свой режиссерский класс, временами презрительно игнорируя кинематографический бонтон. Прелестно, что суровые критики приняли все за чистую монету.

Другой распространенный упрек — в лубочности, в развесистой клюкве, разлюли-малине и прочих особенностях национального сознания в осенне-зимний период истории. И впрямь, михал-

ков своей трагедийной стороной: драма происходит "нипочему" — по печальному стечению обстоятельств, по молодой глупости, безнадежному благородству, злонамеренному умалчанию, непреднамеренной вине, по старинной русской традиции доводить все до абсурда и заканчивать всякую трагедию фарсом, а всякий фарс — трагедией. Можно сколько угодно рассуждать о том, что Меньшиков и Ормонд староваты,

сценах с опереточными террористами (одна только бомба в белом пакете, обвязанном ленточкой, чего стоит!) и в общих планах храма Христа Спасителя совершенно открыточных — эта нарочитая лубочность никак не служит предметом умиленного любования а ля "Россия, которую мы потеряли".

Все ожидали лубка? — пожалуй, Михалков показывает мастер-класс: вот вам лубок, какой он должен быть. Россия Михалкова прекрасна, аляповата, страшна, уродлива, восхитительна, — и любовь режиссера к ней столь же очевидна, сколь и беспощадна. Именно с этой беспощадной любовью снят один из самых сильных эпизодов фильма — празднование масленицы. Народ гуляет и веселится, медведь пьет водку, запивший генерал гонится за липи-путом; катание с гор, иллюминация, фейерверки и, наконец, сожжение чучела, — великолепная сцена (обозванная в "Новой газете" этнографически скучной, а в "МК" — самой лубочной), — но в общем веселье постепенно нарастает такая подспудная жуть, что к моменту запуска фейерверков уже хочется вжаться в кресло, заткнуть уши, закрыть глаза и завизжать. Примерно здесь, кстати, и происходит перелом в настроении: от блестящей, искрометной комедии к мелодраме — и, перескочив через нее, к трагедии; от заснеженной открытости — к угрюмому сибирскому пейзажу. Даже привычка делать невозможные дурости и объяснять их "старинной русской традицией" и загадкой русской души оборачи-

вается своей трагедийной стороной.

"Цирюльник" ценен прежде всего не потрясающим воображение гигантизмом, не количеством нулей в сумме бюджета, — но своим старомодным гуманизмом, нормальной, а не привычно-перевернутой системой координат; здесь по-прежнему имеют место такие понятия, как "любовь", "честь", "сострадание" или "благородство". У Михалкова они явлены во всей первозданной красе, с перебором таким же трагическим, как великокожеские усы на Стеблове, и таким же необходимым, как ведро ледяной воды на голову запойному генералу.

Удивителен такт, с которым взвешены, отмерены и собраны воедино стези, драма, ирония, издевка и вовсе неизбежные мелочи вроде пения птиц на затихшей Соборной площади. Забавно, что мало кто заметил тонкую грань между восхищением и стебом: все увидели и сто раз показали по телевизору торжественный проезд Михалкова-императора, но мало кто обратил внимание на прелестные мелочи: роуль в кушаче с зажженными свечами в военном лагере, отцовский жест, которым император закрывает не вовремя разинутый рот цесаревича, "два часа анста" в идилическом военном училище. Все увидели горы бубликов, но никто не посмотрел на гору дырок внутри. Все занялись Россией, как она должна быть, — а покидаешь кинозал, и думаешь, что счастье было близко и возможно... но все-таки было...
Ирина ЛУКЬЯНОВА

ОТРЫЖКА КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Диван перед телевизором: реплика будущего зрителя

То, что происходит сегодня вокруг нового фильма Никиты Михалкова, можно сравнить только с принудительным кормлением. Демьянова уха на фоне «Сибирского цирюльника» — легкая закуска. От царского выезда Михалкова на белом коне уже тошнит. Безчисленные интервью кинорежиссера вызывают изжогу. Салют на Соборной площади Кремля в честь кинопремьеры — апофеоз купеческого триумфа. Столпотворение бомонда перед Кутафьей башней — верх неприличия.

Претендент на «Оскара» уже всеканально обэкранен. Вот он обнимает внучку. Вот он лобочится женой. Вот он с папой! Вот он охиывает

его усы... Боже правый, неужели он не понимает всей пошлости, карикатурности этой пошлой суеты? Если не понимает — тогда он просто глуп. Но он не глуп. Его называют самовлюбленным пошляком, и для этого, казалось бы, есть все видимые основания. Но и это не так.

Он прекрасно все понимает! Он искренне убежден, что этому народу в этой стране именно так и нужно впаривать свое творение. Товар должен быть продан. А если за тобой 45 млн. инвестированных долларов — тут уж не до церемоний.

Неужели он прав, и отрывка от перекорма способна стать в России эстетической категорией?

А ведь, пожалуй, так! Устроенный режиссером беспрецедентный "промоушн" достиг цели. Меня, по крайней мере, он "достал": завтра я иду на "Сибирского цирюльника". Иду в кино! Последний раз я был в кинотеатре, наверное, лет десять назад. Я очень хочу, чтобы фильм понравился, хочу, извините за банальность, получить удовольствие (за другими эмоциями в кино ходят только кинокритики). Но для этого мне придется преодолеть то накопившееся раздражение от перекорма, которое уже сидит в моих печенках. Посмотрим, оправдала ли цель средства для ее достижения.
Николай МИХАЙЛОВ

Фото Анатолия МЕЛИХОВА

